

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

Музей Циолковского

ЮРА – 45 лет
АИНА – 25 лет
МАМА
РОБОТ
МЕТЕОРИТ
ЦИОЛКОВСКИЙ – 62 года
ЧЕКИСТ – 25 лет
АВИАТОРЫ
МУЖИКИ
АКАДЕМИКИ
ДОЧЬ
ОБЫВАТЕЛИ
ВАНЯ
ПАПА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1.

Комната Юры: кровать, стол, стул, шкаф. Юра распаковывает чемодан: достаёт фотографию, где он обнимает старенькую маму, и свои детские фотографии: где он ретро-зайчик на ёлке в детском саду, где сосёт соску у молодой мамы на руках. Вот и полосатая пижама, и уютные тапочки. Юра несёт зубную щётку в ванную, но оказывается в пустой кабине, где играет музыка. Немного послушав оптимистичную музыку, Юра выходит. На столе из ноутбука раздаётся звонок.

ЮРА. Алё, алё, мам, ты меня слышишь?

МАМА. Юрочка! Как добрался?

ЮРА. Как себя чувствуешь?

МАМА. Алё, как добрался? Такой бледненький.

ЮРА. Тут такое яркое солнце! Сразу настроение!

МАМА. Яркое что?

ЮРА. Солнце! Немножко глючит связь. Добрался хорошо. Тут чудесный музей, всё такое современное, красивое. Как ты?

МАМА. Да я что, нормально. Устал? Голова болит? Кефир там есть?

ЮРА. Насчет питания пока не знаю, но у меня с собой есть кефир. Ты таблетки пьёшь? Как давление?

МАМА. Да всё хорошо, сынок. Мне кажется, там радиация у вас. Носи защитный костюм. Юра! Ты же кипятильник забыл!

ЮРА. Тут есть чайник, мама, не переживай. Тётя Алла звонила? Пусть приходит тебя навещает. Слышишь?

МАМА. Какие у тебя коллеги? Девушки есть?

ЮРА. Кто? Алё, плохо слышно!

МАМА. Как там с женщинами?

ЮРА. Мама, я тебя умоляю!

МАМА. Ну ладно, ладно. Надеюсь, будут приезжать на экскурсии. Уж ты не пропускай. Какая посимпатичнее – так сразу знакомься.

ЮРА. Мама. Ну ради бога...

МАМА. Это важно, сынок. Уж всем была твоя работа хороша в библиотеке, но ведь ты там в архиве ни с кем не виделся. А тут другое.

ЮРА. Мама!

МАМА. Всё-всё, молчу. Юрочка, ты уехал, а я постельное бельё на твоей кровати не меняю. Как будто сегодня вернёшься. И в комнату захожу и плачу. Алё! Юра! Ты замер с открытым ртом.

ЮРА. Кошмар, конечно, связь какая. Мама, ты меня слышишь?

МАМА. Не могут даже обеспечить вас элементарным интернетом. Сынок, я уже жду, когда ты приедешь в отпуск.

ЮРА. Отпуск только через год, ты же знаешь. И не плачь, пожалуйста. Скажи, давление нормальное у тебя?

МАМА. От солнца защищайся, вдруг оно опасное. Главное, чтобы тебя полноценно кормили. Белки, жиры, углеводы. Конфеты взял?

ЮРА. Да, конфеты взял. Ты не сиди дома, ходи по абонементу в филармонию.

МАМА. Сынок, папа бы тобою гордился.

В комнату Юры вкатывается тележка с едой. Там кусок мяса, красивый гарнир, бутылка шампанского.

ЮРА. Да, теперь я тоже космонавт.

МАМА. Плохо слышно, что?

ЮРА. Плохая связь, алё. Я теперь тоже космонавт! Алё! Тут на орбите плохо ловит. Ладно, пока, мам!

МАМА. Алё!

Юра нажимает отбой и открывает шампанское – видно, что делает он это не часто - наливает и выпивает, с удовольствием принимается за еду.

2.

Зал истории космоса: модели планет, глыбы, метеориты – зал рассчитан на младших школьников. Юра бродит один. Он поднимает штору - ярко светит солнце.

РОБОТ (*голос из ниоткуда*). Мемориальные коллекции, связанные с жизнью и деятельностью Константина Эдуардовича Циолковского - 20 000 единиц хранения. Коллекции образцов и макетов ракетно-космической техники - 350 единиц хранения. Коллекции космических скафандров различного назначения, специального космического снаряжения, полётной одежды космонавтов - 300 единиц хранения

ЮРА. Скажите, а интерактив тут есть?

РОБОТ. Вы в каком веке?

ЮРА. В двадцать первом.

РОБОТ. Тогда к чему такие вопросы? Интерактивны тут даже почтовые марки. Они называют год своего выпуска.

ЮРА. Извините.

РОБОТ. Продолжу, с вашего позволения, голубчик. Фонд редкой книги - 8000 единиц хранения. Фонд мемориальных предметов видных деятелей науки, конструкторов, космонавтов и других - 2500 единиц хранения.

ЮРА. Других? Каких других?

РОБОТ. Других. Настоящих других. Не таких, как мы, а других.

ЮРА. Понял.

РОБОТ. Коллекции живописи и графики, в том числе художников группы "Амаравелла", летчиков-космонавтов А.А. Леонова, В.А. Джанибекова - 1000 единиц хранения. Коллекция плакатов – 1000 единиц хранения. Коллекции фотографий, негативов, диапозитивов - 20 000 единиц хранения. Фонд нумизматики - 8 000 единиц хранения. Фонд филателии - 10 000 единиц хранения.

ЮРА. Я не успеваю запоминать.

РОБОТ. Честно говоря, я не понимаю, зачем тут вообще люди - столько багов. Это всё любовь к старому стилю, как бумажная книга или корковая винная пробка. Или как медные провода. Коллекции скульптуры, керамики, стекла, фарфора и других предметов декоративно-прикладного искусства - 350 единиц хранения.

ЮРА. Спасибо.

РОБОТ. Экскурсии прибывают не каждый день. В вашем распоряжении спальня, лаборатория, музыкальная кабина.

ЮРА. Кабина, вот оно что.

РОБОТ. Кабина. Для индивидуального прослушивания музыки.

ЮРА. А здесь ещё есть люди?

РОБОТ. Мы провели оптимизацию и заменили био-сотрудников на роботов. Достаточно экскурсантов. Завтра будет первая партия. Это простая экскурсия, ознакомительная, залы Циолковского пока закрыты.

ЮРА. Вот это интересно. Музей Циолковского без Циолковского. А почему закрыты?

РОБОТ. Их закрыл предыдущий экскурсовод. Экскурсии он водить не любил. Пытался провести реконструкцию всего музея, но вы же знаете, сколько сейчас выделяют денег на культуру. Да и на космос.

ЮРА. А куда делся предыдущий экскурсовод?

РОБОТ. Устроился на винный завод технологом. За годы работы у нас он продвинулся в виноделии, начал с примитивного самогонного аппарата. В общем, вопросы вы можете задавать мне ежедневно, но только с 20.00 до 20.15. Только в этом временном промежутке я главный администратор.

ЮРА. А как вас найти? Где?

РОБОТ. Не надо меня искать. И закрывайте окна от солнца, оно нынче какое-то дикое. Счастливо. Отключаюсь.

Юра опускает шторы и осматривает экспонаты – это куски каких-то пород, они под стеклянными колпаками. Вдруг один из них заговорил.

МЕТЕОРИТ. Привет.

ЮРА. Привет.

МЕТЕОРИТ. Я метеорит с Марса, углистый хондрит.

ЮРА. Очень приятно. Я Юра с Земли.

МЕТЕОРИТ. Когда-то учёные считали, что во мне есть следы жизни на Марсе, опыт, выраженный в микробах. Но оказалось, что это только следы земных загрязнений. Никакой жизни на других планетах нет.

ЮРА. Вы думаете, что только Земля живая?

МЕТЕОРИТ. Учёные проникли в меня уже после того, как я был заражен. А заразился я при падении на Землю. На Марсе мы все чистые, чистая неорганика.

ЮРА. А вы можете рассказать про свою жизнь на Марсе?

МЕТЕОРИТ. До свидания, юный землянин!

ЮРА. Привет.

МЕТЕОРИТ. Привет! Я метеорит с Марса, углистый хондрит.

ЮРА. Очень приятно. Я Юра с Земли.

МЕТЕОРИТ. Юра, как Юра Гагарин, наш первый космонавт. Давай я расскажу тебе про него, дружок. Гагарин родился 9 марта 1935 года в деревне Клушино Смоленской области в семье плотника, как Иисус Христос...

Юра подходит к другому экспонату, это модель устройства Солнечной системы. От приближения Юры планеты начинают вращаться вокруг Солнца и вокруг своей оси. Он подходит к третьему экспонату – модель планеты Земля. Земля притягивает Юру.

ЗЕМЛЯ. Сила тяжести на поверхности планеты складывается из гравитационного притяжения и центробежной силы инерции, вызванной суточным вращением планеты. В рамках классической механики гравитационное притяжение описывается законом всемирного тяготения Ньютона: сила гравитационного притяжения между двумя материальными точками массы, разделёнными расстоянием, пропорциональна обоим массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния.

Юра еле вырывается из притяжения Земли и оказывается возле следующего экспоната – это имитация поверхности Луны. Юра видит, что экспонат поврежден – на нём отпечатки ног, следы – скорее всего, тут бегал человек в кедах. Из-за одного экспоната слышно тихий смех. Но Юра там никого не находит. Юра подходит к двери в следующий зал, она закрыта. Он дергает, ничего не получается, пытается открыть карточкой – бесполезно.

3.

Юра водит экскурсию детей 7-8 лет по залу. С ними ходит флегматичная молодая учительница.

ЮРА. Вакуум космоса на самом деле не является абсолютным. В нём присутствуют атомы и молекулы, а также реликтовое излучение, которое осталось от Большого взрыва. И космические лучи, в которых содержатся ионизированные атомные ядра и разные субатомные частицы.

ВАНЯ. А вы космонавт?

ЮРА. Я сын космонавта.

ВАНЯ. А вы были на Луне?

ЮРА. Нет, никогда. Теперь никто не летает так далеко в космос. Но мы с вами находимся сейчас так сказать в ближнем космосе – на орбите планеты Земля.

Мы – настоящие космонавты.

ИВАН. А на других планетах живут другие существа?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Иван, не отвлекай человека.

ЮРА. Всё нормально, дети спрашивают, это интерактивная экскурсия. Нет, нигде никто не живёт, мы одни тут на Земле, весь остальной космос мёртвый.

Дети устали, шумят и балуются.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Дети, сохраняйте тишину!

ИВАН. А мы хотим в туалет!

ЮРА. А давайте сделаем перерыв 15 минут.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Перерыв 15 минут.

Дети разбегаются.

ЮРА. Вы такая молодец – держите дисциплину.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ужасная работа. Эмоциональное выгорание.

ЮРА. Сочувствую. Но всё же с детьми как-то бодрит!

УЧИТЕЛЬНИЦА. Вообще не бодрит. Они орут, балуются. Эсдэвэшники сплошные.

ЮРА. Как вы сказали?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Эсдэвэ – синдром дефицита внимания. Каждый второй.

ЮРА. Да? А с виду – обычные дети.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Годик поработаю – уволюсь. Достало всё.

ЮРА. И куда пойдёте?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Понятия не имею. Бессмысленно всё. Скучно. Жить скучно.

ЮРА. Да? Ну, может, какое-то хобби у вас есть? Вот я, например, ...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Нет. Хобби. У меня. Это бессмысленно. Крестиком вышивать? Глупо. Читать? Чей-то бред?

ЮРА. Может, это у вас просто усталость?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Нет. Это не усталость.

ЮРА. Ну, многие женщины находят себя в семье, рожают детей.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ненавижу детей.

ЮРА. Ха-ха! Или мужа любят.

УЧИТЕЛЬНИЦА. За что его любить-то? Бессмысленное занятие. Скучные люди.

ЮРА. Ха-ха! Ну вы такая интересная! Ну идите тогда в космонавты, как я.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Космос ваш мёртвый. Абсолютная смерть, ничто. И вы тут бессмысленно болтаетесь в сраном музее никому не нужном. Это для старпёров занятие. Хотя, в вашем возрасте...

Учительница отходит от Юры. Он немного «завис», но его будят крики метеорита.

МЕТЕОРИТ. Привет! Я метеорит с Марса, углистый хондрит. Давай я расскажу тебе про космические аппараты, которые побывали на Марсе. Это Марс-1, Маринер-4, Викинги, Феникс и Кьюриосити. Они выяснили, что может быть, в прошлом какая-то жизнь бактерий на Марсе была, но сейчас её там нет. Нет! Нет! Нет!

Дети хотят вскрыть стеклянный колпак над метеоритом.

ЮРА. Эй, отстаньте от метеорита! И не надо подходить к Земле!

Юра бежит к экспонату Земля, но уже поздно – уже включилась гравитация и нескольких детей засосало, Юра освобождает их. Пока он делает это, дети запустили экспонат Космос: кружатся модели атомов и молекул, лучи, какие-то частицы. Дети ловят их, кому-то ударило по голове, кто-то плачет.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Дети! Встаньте смирно, руки по швам!

В это время незамеченный никем, кроме Юры, Ваня подбегает к закрытым дверям в залы Циолковского, и они открываются перед ним, а затем сразу закрываются. Юра бежит за мальчиком, двери открываются и перед ним. Юра оказывается в абсолютной темноте и тишине.

4.

Юра идет по тоннелю, в конце которого свет. Свет приближается – это кабинет, в нём два письменных стола, три стула, настольная лампа, графин с водой. Дальше идти некуда. Юра растерян, садится на стул, пьёт воду. На столе листы бумаги, чернильница, деревянное перо. Заходит молодой чекист. Он садится за другой стол, на Юру не смотрит. Два чекиста приводят в кабинет Циолковского, усаживают на стул.

ЧЕКИСТ. Имя, фамилия, отчество.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Что?

ЧЕКИСТ. Имя, фамилия, отчество!

ЦИОЛКОВСКИЙ. Константин Эдуардович Циолковский.

ЧЕКИСТ (Юре). Вы записывайте.

Юра пытается записывать, ставит кляксы.

Возраст.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Я не слышу.

ЧЕКИСТ. Возраст!

ЦИОЛКОВСКИЙ. Шестьдесят два года.

ЧЕКИСТ. Род занятий.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Простите, вы не могли бы говорить мне прямо в это ухо, у меня при аресте забрали слуховую трубку, а я почти глухой.

ЧЕКИСТ. Аристократы хреновы, трубка у них. А ну говори род занятий!

ЦИОЛКОВСКИЙ. Учитель физики в женском училище. Изобретатель.

ЧЕКИСТ (другому чекисту). Лунёв, принеси там ему трубку, а то я не подписывался тут горло драть. (Циолковскому) Изобретатель. Против советской власти изобретаешь?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Изобретаю с детства.

ЧЕКИСТ. Ага, так признаёшься во вредительской деятельности?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Что?

ЧЕКИСТ (говорит в наконец принесенную трубку). Совесть нечиста твоя. Против советской власти прёшь?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Моя совесть абсолютно чиста. Я за то, чтобы власть народа распространялась дальше, на другие планеты, в космос.

ЧЕКИСТ. Складно говоришь. А может, врешь? Давай рассказывай, что изобрёл.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Мои основные работы - поезд, который едет по воздуху, металлический аэростат и ракета.

ЧЕКИСТ. Поезд по воздуху? Это как?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Нагнетается воздух, и поезд едет, не касаясь земли.

ЧЕКИСТ. Брехня. Он тяжёлый.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Но сила тяжести преодолима. Я с детства знал, что силу тяжести можно победить!

ЧЕКИСТ. О как. Уж если тяжёлое что, взять хоть бы поезд, то с места не сдвинешь металл, что ты тут заливаешь. Брехня. Задурить вздумал. Только нет веры тебе, ты классово чуждый элемент советской власти, у нас таких тут на Лубянке... Раз – и искореняем. Отвечай, что в письмах писал врагам?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Переписываюсь только с учёными, только по вопросам науки.

ЧЕКИСТ. Может, вы такую науку изобрели, чтобы Советскую власть уничтожить?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Уверю вас, молодой человек...

ЧЕКИСТ. Какой я тебе молодой человек, гнида?!

ЦИОЛКОВСКИЙ. Извините, ради бога, извините...

ЧЕКИСТ. Я тебе тут начальник!

ЦИОЛКОВСКИЙ. Прошу прощения, невежество, невежество...

ЧЕКИСТ. Отвечай, хотел свергнуть советскую власть?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Нет, ни в коем случае. Хотел её распространения во всей вселенной. Хотел заводы, фабрики построить вокруг Солнца, ведь Солнце даёт в два миллиарда раз больше энергии, чем получает наша планета. Мы должны овладеть этим беспредельным пространством вокруг Земли!

ЧЕКИСТ. О как. А в бога веруешь?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Бог есть идея, которая образовала вселенную.

ЧЕКИСТ. Так бог есть?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Есть идея. Вот вы, например, страдаете?

ЧЕКИСТ. Что?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Горе испытываете?

ЧЕКИСТ. Тут вопросы я задаю.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Есть горе как будто неустранимое: мы должны болеть, умереть, потерять близких. Но много горя более или менее устранимого. Почему мы терпим материальную нужду, не пользуемся комфортом, когда богатства и силы природы неисчерпаемы? Почему на старости лет мы остаемся без крова и умираем от лишений? Зачем отец надрывается один для прокормления своего многочисленного семейства? Почему всякого человека, не исключая богатых, сильных и властных, подстерегают бедность, горести и всякие несчастья? Кого мы можем винить в этом? Только наше неразумие, скудость мира наших идей.

ЧЕКИСТ. Я-то сирота.

ЦИОЛКОВСКИЙ. И все мы сироты, философски говоря. И кто может помочь нам?

ЧЕКИСТ. Бог?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Гений.

ЧЕКИСТ. Гений?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Самые ужасные несчастья и горести, которые даже кажутся нам сейчас неизбежными, будут устранены. Гении совершают чудеса. Скоро, относительно скоро, всего будет в изобилии, понимаете. Много пищи, одежды, материалов, машин, зданий, путей сообщения, много любви. Часть Земли покроется жилищами, дворцами технического, научного, социалистического и нравственного просвещения, другая часть — сложными фабриками. Благополучие людей станет причиной усиленного размножения. Вследствие отсутствия войн (и иных видов самоистребления) и общей успешной борьбы с болезнями, население дойдёт до 50 миллиардов, то есть увеличится раз в 30.

ЧЕКИСТ. А как же мы вместимся-то? Местов не хватит.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Заселим пустыни, вырубим бесполезные леса. Животных тоже не будет, ни диких, ни домашних.

ЧЕКИСТ. Как же без них? И лошадей?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Не будет ничего бесполезного, и лошадей, и насекомых не будет. К тому же, животные — это цепь страданий. Они поедают друг друга. А страдание надо прекратить. Никто не должен страдать, никто. Никто во вселенной.

ЧЕКИСТ. Не будет буржуев, эксплуататоров.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Не будет. Человек будет работать четыре часа в неделю, а в остальное время наслаждаться.

ЧЕКИСТ. Я-то с детства подмастерьем горбатился у плотника. Сколько затрещин мне этот Давыдов надавал, ей-ей. А что, сирота, некому защитить.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Это ужасно. Такого не будет.

ЧЕКИСТ. Не будет, конечно. Расстрелял я этого плотника. Как в должность вошёл — так расстрелял.

ЦИОЛКОВСКИЙ. А в дальнейшем этого не потребуются. Плохим людям просто будет запрещено иметь потомство. И дети будут только от самых хороших, от умных, способных.

ЧЕКИСТ. Я-то нельзя сказать, чтобы самый способный был к плотницкому делу... (Юре) А ты не пиши, видишь, дела не касается. (Циолковскому) А как-то не понятно мне, как вы будете судить, кто может детей рожать, а кто не достоин?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Люди будут жить в общем доме, огромном, и будут изучать друг друга. И лучшие будут замечены. И они сядут на ракету и улетят туда (показывает пальцем вверх). И унесут своё семя в космос. И поселятся на других планетах и в городах вокруг Солнца. И таких солнц миллиарды, их неисчислимо.

ЧЕКИСТ. Как? Солнце-то одно.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Оно одно в нашей планетарной системе. А таких систем — бесконечное множество.

ЧЕКИСТ (Юре). А вот это запиши: клеветает он тут. (Циолковскому) Чтой-то ты, дядя, совсем заврался. Солнце одно. Луна одна. Один день. Одна ночь. Одна правда. Одна советская Россия. Ленин один. Родина одна. Пуля одна, которая смерть несёт. Это — порядок. Когда солнце одно — это порядок. Развелось на родине врагов, воду мутят. А должен быть порядок. Сказано: враг — так убей. Просто ликвидируй. И снова порядок. Ты письма писал врагам?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Врагам — нет. Писал разным учёным, по поводу теории относительности...

ЧЕКИСТ. А не надо теорий. Надо правду. А правда такая – ты классовый враг и эксплуататор. Хотел машину изобрести и нашу родину уничтожить. На аэростатах своих на нас бомбы сбрасывать немецкие. Вот зачем у тебя борода?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Но помилуйте, борода – это просто борода...

ЧЕКИСТ. Такие наши враги носят. Эсеры и прочая дрянь.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Но Маркс и Энгельс...

ЧЕКИСТ. Расстрелять.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Но за что? Я...

ЧЕКИСТ. Расстрелять.

ЮРА. Подождите, это же великий учёный, он же во всём мире, он же ракеты и дирижабли, на всех марках, города, улицы...

ЧЕКИСТ. И этого хмыря расстрелять. Пишет плохо.

Юру и Циолковского уводят.

5.

Юра просыпается в своей постели, тяжело дышит. Ярко светит солнце. В комнату въезжает тележка с завтраком.

РОБОТ (*голос из ниоткуда*). Приятного аппетита.

ЮРА. Вы где?

РОБОТ. Везде. Я измерил ваш пульс, он немного поднялся. Думаю, поможет пазл.

ЮРА. Какой пазл?

РОБОТ. В нижнем ящике стола.

Юра достаёт пазл и начинает собирать его. Это портрет Циолковского.

ЮРА. Нам надо поговорить.

РОБОТ. Говорите.

ЮРА. Я был на экскурсии, а дальше? Не помню. Что было дальше?

РОБОТ. Дальше дети улетели на Землю с учительницей.

ЮРА. Нет, тут происходит что-то странное.

РОБОТ. Вам приснился плохой сон, это нормально. На орбите всё не как на Земле. Ну, в общем, я пожелал вам приятного аппетита, и теперь...

ЮРА. Нет, подождите. Утром я осматривал экспонаты, по Луне кто-то бегал, остались следы.

РОБОТ. Может, это следы Нила Армстронга?

ЮРА. Он был в кедах? Ну, допустим. И ещё у меня проблемы с допуском в некоторые залы – например, я не мог зайти в зал Циолковского почему-то.

РОБОТ. Всё нужно делать последовательно.

ЮРА. То есть?

РОБОТ. Вы хотите сразу прикоснуться к нашему божеству, войти в алтарь.

ЮРА. Подождите, я что-то не понимаю. Это музей.

РОБОТ. Храм науки.

ЮРА. Я экскурсовод.

РОБОТ. Неофит.

ЮРА. А как я должен проводить экскурсии, если вы не пускаете меня в некоторые залы? И вообще, у вас с экспонатами бардак, они болтают, вступают с посетителями в физический контакт.

РОБОТ. Всё же их тестирование – говно. Я просил абсолютного флегматика, человека созерцательного, настроенного на эволюцию. Человека, готового вместить в себя сложность окружающего мира. Физика. А мне прислали какого-то сына космонавта, гуманитария-неврастеника.

ЮРА. Мне сорок пять лет. Двадцать из них я работал, составляя библиотечный каталог. Демагогия на меня больше не действует. У вас бардак.

РОБОТ. Послушайте, Юрий...

ЮРА. И хватит уже прятаться, то же мне, вездесущий нашёлся. У вас есть материальное тело, я знаю - скачал вашу инструкцию.

В комнату входит Робот. Он немного стесняется своего металла.

РОБОТ. Послушайте, Юра, у нас сложилось такое положение дел...

ЮРА. Во-первых, как к вам обращаться?

РОБОТ. Модель QWCDFST.

ЮРА. Достаточно просто Кью. Так кто из людей ещё в музее, Кью?

РОБОТ. Только вы, больше никого.

ЮРА. Так, значит, тут есть роботы, которые выглядят как люди. Я всё вспомнил. Тут были мужчины. Чекисты. И человек, похожий на Константина Эдуардовича.

РОБОТ. Ну да, вы могли видеть... Но это экспонаты. Из залов Циолковского. Залы Циолковского вышли из-под контроля.

ЮРА. Отлично, и они предлагают мне болтаться на орбите годами в свихнувшемся музее и за такой мизерный оклад.

РОБОТ. Зато в вашем распоряжении лаборатория, электронный сканирующий микроскоп. У нас большая коллекция алкоголя. Предыдущий экскурсовод...

ЮРА. Послушайте, Кью, мне достаточно пазлов. А вот как вы хотите справиться с хаосом? Есть план?

РОБОТ. Честно говоря, я растерян. Раньше это были обычные залы. Там можно было узнать немного о биографии великого учёного. Константин Эдуардович Циолковский родился в сентябре 1857 года в Рязанской губернии. В возрасте девяти лет маленький Костя, катаясь на салазках, простудился и заболел скарлатиной, почти оглох и...

ЮРА. Зачем вы...

РОБОТ. Извините, я просто работал тут экскурсоводом, пока вас не прислали, и эта программа самозапускается...

ЮРА. Так что произошло?

РОБОТ. Не знаю. Что вы хотите от груды титана? Там образовалась какая-то жизнь, а я не специалист по живому, я робот, неорганика.

ЮРА. Почему вы скрыли это?

РОБОТ. Боюсь увольнения. Из уволенных роботов делают протезы. И даже зубные имплантаты. Погружение в органику. Это унижительно.

ЮРА. Так и что теперь?

РОБОТ. Может, мы пока не будем открывать Циолковского для экскурсий? Скажем, что нужно составить каталог. У нас много других залов.

ЮРА. Мальчик. Я вспомнил, мальчик Ваня. Я побежал за ним, туда, в залы Циолковского. Где мальчик? Что вообще произошло? Они улетели без него?

6.

Робот открывает зал Циолковского, они с Юрой заходят внутрь. Они идут по залам с фотографиями учёного, его рукописями, чертежами, значками и марками с его портретами. Слышно какой-то стук. Они заходят в очередной зал. В центре его крупная девушка в комбинезоне и шлеме сварщика (Аина) работает сварочным аппаратом возле большого металлического дирижабля.

РОБОТ (*тихо*). Экспонат.

ЮРА (*громко*). Здравствуйте!

АИНА (*снимая шлем*). Привет, космонавт.

РОБОТ (*тихо*). Ну как, как она материализовалась? Она была нарисована.

ЮРА (*тихо*). Нарисована?

РОБОТ. Не узнаёте? Александр Дейнека «Покорители космоса». Какие ляжки.

АИНА. Помогите мне.

Юра, а за ним и Робот подходят и придерживают металлический лист, который она собирает из более мелких.

ЮРА (*замечая на ней кеды*). Так вот кто бегал по Луне.

РОБОТ. Варварство. И нельзя проводить сварку в здании музея.

ЮРА. Что вы делаете?

АИНА. Металлический аэростат.

РОБОТ. Ещё одну модель?

АИНА. Зачем модель, настоящий. Большой.

ЮРА. А как вас зовут?

АИНА. Аина.

ЮРА. Меня Юрий. Вы не видели здесь мальчика, Аина?

АИНА. Здесь много мальчиков.

ЮРА. А где они?

АИНА. Всюду.

РОБОТ. Меня точно переplавят. И буду сидеть у кого-то в вонючем рту. Там больше бактерий, чем на помойке.

АИНА. А вот и мальчики.

В зал входит двое красивых молодых людей, одетых как авиаторы времён зарождения авиации.

РОБОТ. Чёрт. Эти двое вообще с почтовой марки.

АВИАТОР-1. Мы приветствуем вас, друзья!

ЮРА. Здравствуйте.

РОБОТ. А по какому праву вы покинули свою марку?

АВИАТОР-1. Пункт пятый межгалактической конституции: каждый атом имеет право покинуть материю и переселиться в другую.

РОБОТ. Никогда не слышал про такую конституцию.

АВИАТОР-1. Константин Эдуардович тоже многое не слышал. Был глухой.

АИНА. Мальчики, помогите.

Авиаторы, оттесняя Юру, помогают Аине со сваркой.

РОБОТ. Бардак. Зачем вам понадобилось делать большой дирижабль? Он даже не войдёт в это помещение. И где вы возьмёте столько металла?

АВИАТОР-1. Пункт шестой межгалактической конституции: материя бесконечна и имеет множество форм.

Аина улыбается, выключает свет – и когда включает, оказывается, что помещение увеличилось в несколько раз.

РОБОТ. Мать Мария Ивановна!

ЮРА. Ты про что?

РОБОТ. Юмашева. Мать Константина Эдуардовича. Я вспоминаю её в экстренных случаях.

Робот ходит по залу с рулеткой и измеряет его.

ЮРА (*Аине*). Но как вы... Как это возможно?

АИНА (*Юре*). Ну что, космонавт, пригласишь поужинать?

ЮРА. Я? Да, но...

АИНА. Отлично, старик.

АВИАТОР-1. Аина, ты же обещала поужинать со мной.

АИНА. С тобой можно поужинать только энергией солнца, а с ним я мяса поем.

У меня мышцы, Коля. Им нужен протеин.

ЮРА. Так а...

АИНА. Ну всё, вам пора.

Аина надевает шлем и снова занимается сваркой.

7.

Юра у себя в комнате звонит по скайпу маме.

ЮРА. Алё, мам, ты слышишь?

МАМА. Юрочка, сынок, ну как ты? Бледненький.

ЮРА. Мам, я так соскучился по тебе.

МАМА. Как тебя там кормят, сынок? Похудел.

ЮРА. Тут такая нервная работа, мама.

МАМА. Господи, сынок, береги себя. Вас полноценно кормят?

ЮРА. Всё так обрушилось на меня, не знаю. И сон такой снился, ужас. Представляешь, допрос Циолковского. Ну и вообще... Сегодня что творилось – даже не буду рассказывать. Не поверишь.

МАМА. Что случилось, сынок? Боже мой, работал бы и дальше в библиотеке, так хорошо, спокойно, рядом с домом.

ЮРА. Оказалось, тут много людей, мама.

МАМА. Ну это же неплохо. Девушки есть?

ЮРА. Вот про это я и хотел с тобой посоветоваться.

МАМА. Конечно, ты всегда мне всё рассказываешь, сынок.

ЮРА. Тут есть такая девушка, она такая, ну, интересная. И хочет вместе со мной поужинать.

МАМА. Сразу поужинать?

ЮРА. Мама, тут нет консерватории.

МАМА. Ну да, ну да. А библиотека?

ЮРА. В общем, ты же знаешь, у меня отсутствуют эти навыки, ну, общения с девушками. Вдруг она полезет целоваться?

МАМА. С другой стороны, внуки, Юра.

ЮРА. Ну да, да, я понимаю...

МАМА. Надо уже решиться, сынок. Тебе 45 лет. Она сможет родить, если что?

ЮРА. У неё широкие бёдра.

МАМА. Это очень хорошо! А то помнишь, эта Светлана...

ЮРА. Мама, это было двадцать лет назад. С тех пор хилая Светлана вышла замуж и родила пятерых.

МАМА. Господи, вот самка.

ЮРА. В общем, ты считаешь...

МАМА. Да. Безусловно, сынок. Безусловно.

ЮРА. Прямо сразу...

МАМА. Почему нет?

ЮРА. Ну хорошо. Ничего не обещаю, конечно.

МАМА. Попытка – не пытка.

ЮРА. Не знаю, как здоровье моё...

МАМА. Надо пробовать, через силу.

ЮРА. Хорошо, мам. Всё, что смогу.

МАМА. С богом.

Раздаётся кашель.

ЮРА. Это ты, Кью?

РОБОТ (*голос*). Я не подслушивал.

ЮРА. Допустим. Ну и где ты?

Заходит Робот.

РОБОТ. Что будем делать, шеф?

ЮРА. Мальчик не найден. Экспонаты ожили. Помещение раздвинулось. Кстати, это можно записать в наши достижения – эти квадратные метры.

РОБОТ. Ровно в три раза увеличился тот зал.

ЮРА. Это премия, я считаю. И дирижабль – если они сделают дирижабль, то тут реальная премия, Кью.

РОБОТ. Кстати, да.

ЮРА. Тебе можно будет заказать апгрейд. Память или какую-нибудь защиту от коррозии, я не знаю.

РОБОТ. Я бы хотел мелкие волоски. На поверхности, как бы на коже. Конечно, с рецепторами в комплекте.

ЮРА. Зачем тебе это?

РОБОТ. Получать удовольствие.

ЮРА. Извращенец.

РОБОТ. Меня радует, что остальные экспонаты в порядке.

ЮРА. Метеорит что-то слишком разговорчивый.

РОБОТ. Углистый хондрит? Да, он самообучился. Он теперь рассказывает даже стихи – кто-то из детей его научил.

ЮРА. Стихи про теорию большого взрыва?

РОБОТ. Про любовь. Неприличные. Ладно, пойду дальше контролировать ситуацию.

ЮРА. Кью, план такой: наблюдаем и фиксируем. Составляем каталог поломок. Не вмешиваемся. Просто наблюдаем. Наша хата с краю, как говорится.

РОБОТ. Я понял, шеф. Завтра новая группа школьников. Если эти выйдут, скажем, что они строители, ремонт делают. А что придумаем с мальчиком?

ЮРА. А был ли мальчик?

Робот уходит. Вкатывается тележка с едой. Юра не начинает ужин, ждет. Раздается стук в дверь и входит Аина.

Я ждал вас.

АИНА. Что-то это железо тут долго торчало у тебя.

ЮРА. Титан.

АИНА. Что?

ЮРА. Титан, а не железо. Мелочи, конечно.

АИНА. Кстати, хорошая идея. Я насчет дирижабля – нам может пригодится титан.

ЮРА. Рыба.

АИНА. Что «рыба»?

ЮРА. На ужин не мясо, а рыба. Нормально?

АИНА. Отлично.

Юра делит ужин на две части.

Что-то ты какой-то зажатый.

ЮРА. Я привёз с Земли немного виноградной водки.

АИНА. Бывает такая? Извини, я довольно наивная, всё же произведение искусства, сам понимаешь.

Они выпивают.

ЮРА. Что для вас дирижабль, Аина?

АИНА. Это атомы мечты Константина Эдуардовича.

ЮРА. Мечта. Это прекрасно. Я давно не мечтал. Только в детстве.

АИНА. И о чём?

ЮРА. О том, что буду космонавтом, как мой папа.

АИНА. Твой папа гордится тобой?

ЮРА. Папа погиб. Его ракета не смогла выйти за орбиту Земли.

АИНА. Мои соболезнования.

ЮРА. Это было давно, мне было восемь.

АИНА. А что для тебя ракета?

ЮРА. Ракета? Летательный аппарат.

АИНА. Нет, Юра. Ракета – это метод.

ЮРА. Метод?

АИНА. Метод проникновения в глубину, понимаешь? В глубину космоса.

ЮРА. Вы так правы.

АИНА. Способ оплодотворить своими атомами космос.

ЮРА. Давайте выпьем за атом, Аина.

АИНА. За атом-Улисс.

Они выпивают.

Ты боишься смерти?

ЮРА. Боюсь. Очень. Я подумал... Может, любовь спасёт нас от смерти?

АИНА. Нет, не спасёт. Ха-ха! Да не бойся. Спасать не от чего. Для атома смерти нет, а все мы собрание атомов. И наша Одиссея никогда не закончится.

ЮРА. Как вы красиво говорите, Аина, вы, вообще, довольно привлекательная девушка.

АИНА. Такой меня придумал художник Дейнека. Недавно я была неорганикой. А сейчас органика. И атом Циолковского во мне блуждает по телу. Чувствую. А ты? Чувствуешь?

Аина кладет руку Юры себе на живот.

ЮРА. Чувствую.

АИНА. Теперь атом во мне блуждает. Живет то жизнью кости, то волоса, ногтя, эпителия. И даже в моём мозгу живёт Циолковский. Ты чувствуешь в себе Циолковского?

ЮРА. Не очень.

Юра хочет поцеловать её, но она убегает в музыкальную кабину. Юра аккуратно раздевается, ждет на кровати. Ему надоедает ждать, он идет за ней в кабину – там пусто. Но он обнаруживает вторую дверь, выходит из кабины в Российскую академию наук.

8.

Российская академия наук. Заседание учёного совета, за столом сидят академики и что-то обсуждают. Они не обращают внимание на почти голого Юру. Он быстро садится на краешке, за стол. Он не слышит их вообще – только шелест, они продолжают говорить. Рядом с Юрой лежит слуховая трубка, в какой-то момент ему надоедает тишина, и он прислоняет трубку к уху. Сразу же становится слышно разговор.

АКАДЕМИК-1. Ну так что? Перешлём?

АКАДЕМИК-2. Я вас умоляю, зачем оно ему?

АКАДЕМИК-3. Это какой-то цирк.

АКАДЕМИК-1. Ну так, пусть бы переписывались на здоровье, подумаешь. Наука тут не при чём.

АКАДЕМИК-2. Он задал вопрос о металлическом дирижабле. Дирижабля, собственно, нет. Так о чём им говорить?

АКАДЕМИК-3. Надо бдить.

АКАДЕМИК-1. Всё же он просит передать письмо лично Циолковскому.

АКАДЕМИК-2. Да этого вашего Циолковского и учёным назвать нельзя. Это вообще оскорбление моих чувств учёного, эта личность. Самоучка провинциальный. Раньше у поповских дочек учителем арифметики служил. Любой из нас знает физику и математику в сто раз лучше, просто в разы. А этот, якобы учёный, берётся за разрешение труднейших задач, над которыми бьются лучшие умы! То есть, мы с вами. Он выскочка!

АКАДЕМИК-3. Куда власти смотрят?

АКАДЕМИК-1. Амундсен пишет... Мол, хочу совершить полёт через Северный полюс... “Норвегия” – обычный надувной дирижабль, к тому же, сделанный в Италии... Хотелось бы сравнить лётные качества вашего дирижабля из гофрированного металла и “Норвегии”...

АКАДЕМИК-2. Я этого вашего Циолковского на дух не переношу. Ещё Жуковский Николай Егорович, покойничек, говорил, что это выскочка. Что это шарлатан. Напечатал на свои деньги там у себя в Калуге брошюр и туманит ими мозг юношества. Нельзя допускать, чтобы каждый маньяк и параноик печатал свои книжки.

АКАДЕМИК-3. Гнать поганой метлой.

АКАДЕМИК-1. Но Амундсен...

АКАДЕМИК-2. Ну что Амундсен, Амундсен. Ну Амундсен. Пусть на “Норвегии” летает ваш Амундсен.

АКАДЕМИК-3. Амундсен ошибся.

АКАДЕМИК-1. Хорошо, значит, письмо Амундсена Циолковскому не пересылаем.

АКАДЕМИК-2. Предлагаю забыть об этом Циолковском. Где он там, в Калуге? Ну и прекрасно, пусть там и сидит, в этом медвежьем углу.

АКАДЕМИК-3. Науке довольно Жуковского.

ЮРА. Ваш Жуковский – агрессивный завистник.

АКАДЕМИК-1. Что?

АКАДЕМИК-2. Вы по какому праву?

АКАДЕМИК-3. Крамола!

ЮРА. Его аэродинамическая труба – это повторение воздуходувки Циолковского. Константин Эдуардович изобрел её на пять лет раньше!

АКАДЕМИК-1. Это тёмные пятна науки.

АКАДЕМИК-2. Быть такого не может, все признают авторитет Жуковского, а ваш Циолковский...

АКАДЕМИК-3. Клевета.

ЮРА. Жуковский ваш принял все меры, чтобы исследования Циолковского пропали и не увидели свет. На третьем съезде воздухоплавания он в присутствии самого Циолковского сказал, что в России никто не понимает ничего в дирижаблестроении. А в собрании сочинений он ни разу не упоминает Циолковского, даже там, где не сказать о нём невозможно! Он даже выкрал свою рецензию на одну работу Циолковского. Сначала долго пытался выкупить, а потом просто выкрал!

АКАДЕМИК-1. Неужели это правда?

АКАДЕМИК-2. Да откуда вы знаете такое? Придумали?

АКАДЕМИК-3. Враньё.

ЮРА. Знаю. Я и есть Циолковский.

АКАДЕМИК-1. Константин Эдуардович? Мы не узнали вас!

АКАДЕМИК-2. Да какой он Циолковский? Тот старше.

АКАДЕМИК-3. Самозванец.

ЮРА. Я Циолковский. Гений. Такого, как я, никогда не было и никогда не будет. Я изобрёл поезд на воздушной подушке – он едет по воздуху. Ладно, поезд – ракета. Благодаря мне Гагарин полетел в космос.

АКАДЕМИК-1. Какой Гагарин? Про что вы?

АКАДЕМИК-2. Да он сумасшедший, псих. Поезда летающие, ну-ну.

АКАДЕМИК-3. На основы посягнул.

ЮРА. Вы бездари. Ну, выучили математику с физикой, ну и что – это не помогло вам. Бездари – ещё полдела: вы завистники. Если только что-то не такое серое, как вы, так давить его, да? Убивать разрывными пулями. За то, что кто-то посмел. Дерзнул.

АКАДЕМИК-1. Он говорит что-то немыслимое.

АКАДЕМИК-2. Хорошо, что мы его в академики не приняли.

АКАДЕМИК-3. На Лубянку его.

ЮРА. Ладно, моим именем будут называть улицы и целые города. Так что мы в расчёте.

АКАДЕМИК-1. А вы заметили, он же почти голый.

АКАДЕМИК-2. Это изощрённое глумление над нами.

АКАДЕМИК-3. К высшей мере.

Юра уходит.

9.

Юра заходит в музыкальную кабину и выходит из неё. Но попадает не в свою комнату, а в кабинет Циолковского в Калуге. В кабинете сидят какие-то невзрачные люди – калужские обыватели, они встают при появлении Юры, идут к нему, что-то говорят, но Юра не слышит. Юра ходит по кабинету, пытается найти выход, он устал и замёрз. Обыватели продолжают говорить. Юра находит в шкафу какую-то одежду Циолковского, надевает, садится в кресло. На столе стакан горячего чая, Юра пьёт. Прислоняет к уху слуховую трубку, и сразу же слышит.

ОБЫВАТЕЛЬ-1. ... Так зачем это, спрашиваю я вас? Как это может быть? Высказываю своё оскорбление. Невозможно же не отличать белое от белого, а чёрное от чёрного. Государь наш защищает святыни...

ЮРА. А какой у нас сейчас год?

ОБЫВАТЕЛЬ-1. 1903.

ЮРА. Продолжайте, пожалуйста.

ОБЫВАТЕЛЬ-2. Город наш скучно живёт. Вчера телеграфист отца убил своего. Поспорили про географию что-то. Ну, выпили сначала.

ОБЫВАТЕЛЬ. Я человек с высшим богословским образованием. И я должен, понимаете, должен, защищать веру и святыни.

ЮРА. Очень хорошо. А при чём тут я?

ОБЫВАТЕЛЬ-1. Так ведь, у вас-то про путешествия. Про космос. А бог-то где? Где Иисус Христос? Там у вас не сказано в брошюре. Но есть зов в небо. А это паразитация. Небо, бог – это неразделимо. И я высказываю оскорбление. Это какой-то вымысел дурного тона.

ОБЫВАТЕЛЬ-2. А тут мёртвого ребёнка нашли, кто-то выбросил новорожденного в канаву. А и то – новый родится, бог даст.

ЮРА. Господа, я очень устал. Не готов сегодня.

ОБЫВАТЕЛЬ-2. Бог даст, может быть. Нового. Так что не расстраивайтесь. Народ что - верит в оборотней, упырей. Что мертвец утащит. А вот, говорят, будет день, что все мертвяки восстанут. Разве места всем хватит?

ОБЫВАТЕЛЬ-1. Вы сходите на исповедь, покайтесь. Или гореть в геенне огненной.

ОБЫВАТЕЛЬ-2. Не хватит места. Пожрут друг друга. Брат нападет на брата и поубивают. И снова простор настанет.

ЮРА. Господа, я очень устал. Не готов сегодня, господа.

В комнату заходит девушка в чёрном. Обыватели смущены её появлением и уходят.

ДОЧЬ. Папа, я тебе горячего чаю принесла.

ЮРА. Спасибо...

ДОЧЬ. Ты устал.

ЮРА. Да.

ДОЧЬ. Я не верю, что Игнатий был одинок.

ЮРА. Игнатий? Сын?

ДОЧЬ. Ты устал, папа. Ты когда там на похоронах упал, то головой ушибся.

Доктор сказал, нужен покой.

ЮРА. На каких похоронах?

ДОЧЬ. Игнатий умер же, папа. Я тоже не могу поверить.

ЮРА. А Иван?

ДОЧЬ. Какой Иван?

ЮРА. Ты не видела тут мальчика Ивана? Он с экскурсией приехал и потерялся.

ДОЧЬ. Нужен покой. Полежи. Мама сказала, чтобы мы не мешали тебе.

ЮРА. Мама права. А как отсюда выйти?

ДОЧЬ. Ты попей чаю. Игнашу не вернёшь. Я тоже боюсь умереть.

ЮРА. Такая молодая. Ты Люба?

ДОЧЬ. Люба.

ЮРА. Ты будешь долго жить, Люба. Биографию мою напишешь.

ДОЧЬ. Хорошо, папа. Ты говорил, что смерти нет.

ЮРА. Смерти нет. Мы атомы. Набор атомов. Однажды они разбегаются друг от друга.

ДОЧЬ. И куда они попадают? В ад или рай?

ЮРА. Они попадают во вселенную. Там нет страдания. Там любовь.

ДОЧЬ. Я люблю тебя. А ты?

ЮРА. И я тебя люблю, Люба.

ДОЧЬ. Ты самый лучший папа.

ЮРА. Но ведь я всё время занят. Занимаюсь наукой. Мы живем бедно. И неизвестно, как будет дальше.

ДОЧЬ. Нет, с тобой было так весело. Помнишь, ты сделал сани с парусом, и мы гоняли по озеру зимой. Нас все горожане ругали.

ЮРА. А я глухой, и не знал, что ругали.

ДОЧЬ. Ну и хорошо, что не слышал. Ну и хорошо. Пойдем погуляем, папа, надо дышать свежим воздухом.

Дочь уходит, Юра идёт за ней.

10.

Юра выходит в ночь. Лес, Юра идет между деревьев, выходит на кладбище. Там два человека роют землю лопатами.

МУЖИК-1. Вдох-выдох. Мы сидим еще не в клетке,

Чтоб чужие есть объедки.
 Мы живем под вольным дубом,
 Наслаждаясь знаньем грубым.
 МУЖИК-2. Я, задрал собаки бок,
 Наблюдаю звезд поток.
 МУЖИК-1. Скажи мне, волк, откуда появилось
 У зверя вверх желание глядеть?
 Не лучше ль слушаться природы,
 Глядеть лишь под ноги да вбок,
 В людские лазать огороды,
 Кружиться около дорог?
 МУЖИК-2. Желая знать величину вселенной
 И есть ли волки наверху!
 А на земле я, точно пленный,
 Жую овечью требуху.
 МУЖИК-1. А вот и первый.

Мужики что-то откапывают. Кажется, это тело ребенка.

МУЖИК-2. Младшенький, Леонтий Циолковский.
 МУЖИК-1. Годик ему.
 МУЖИК-2. Возьмём хоть какой-нибудь уездный городок или деревню. Летом – в хорошую погоду – пыль, в плохую – непролазная грязь. Дома грязны, пыльны, полны насекомых, бактерий, миазмов, кухонного чада. Тяжкая суэта людей для приготовления пищи и поддержания мало-мальской чистоты: изнуряют возня со скотиной, мучительные заботы о детях, отсутствие врачебной помощи, трудность обучения, непроизводительный труд и тэпэ.
 МУЖИК-1. Прыг под землю.
 МУЖИК-2. Скок на облако.

Откапывают тело побольше.

МУЖИК-1. Игнатий Циолковский. Себя убил. Цианистый калий принял.
 МУЖИК-2. Самый смышлёный из всех сынков. Архимедом в гимназии звали.
 МУЖИК-1. На похоронах в обморок упал.
 МУЖИК-2. Нет у нас Игнаши, не уберегли студента.
 МУЖИК-1. Я женился без любви, надеясь, что такая жена не будет мною вертеть. Будет много работать, и не помешает мне делать то же. Эта надежда вполне оправдалась. Такая подруга не могла истощить и мои силы: во-первых, не привлекала меня, во-вторых, и сама была равнодушна и бесстрастна. Браку я придавал только практическое значение.

Откапывают новое тело.

МУЖИК-2. Иван Циолковский. От заворота кишок умер. В страданиях.
 МУЖИК-1. За что?
 МУЖИК-2. Я как будто не сплю, а перед глазами мутное болото, вонючее от испарений тины и пузырьков газа. Трясина меня затягивает в смертельную бездну. Я смотрю в стоячую воду как в тёмное зеркало и вижу смутный призрак. Это я. Неожиданно появляется человек в жалких лохмотьях, он

прижимает к груди что-то серое. Это булыжник, обмотанный веревкой. Он хочет повесить его себе на шею и броситься в трясины. Я хочу помешать ему, а он вдруг испаряется. Просто испаряется.

Откапывают ещё одно тело.

МУЖИК-1. Сашка. Александр Циолковский.

МУЖИК-2. Учителем был. Тоже самоубийство, говорят.

МУЖИК-1. Вселенная. Я представляю её так. Мрачный, чёрный, как сажа, полый шар. Внутренняя поверхность этого шара усыпана блестящими точками, число которых бесконечно больше числа звёзд, видимых с Земли. Каким мёртвым, ужасным представляется это чёрное небо, блестящие звёзды которого совершенно неподвижны, как золотые гвозди в церковных куполах. Они не мерцают, как кажется с нашей планеты, они видны совершенно отчётливо.

Ещё одно тело.

МУЖИК-2. Внук. Женя. От скарлатины умер.

МУЖИК-1. Точно кто-то беспощадный ворвался к нам и выхватил ребенка.

МУЖИК-2. Да и мне помирать пора.

МУЖИК-1. Я, Константин Циолковский, умер от рака желудка 19 сентября 1935 года в возрасте 78 лет.

МУЖИК-2. Ниже кладбища.

МУЖИК-1. Выше солнышка.

МУЖИК-2. Схватил бы себя за лицо

Костлявыми птичьими когтями-пальцами

Рванул бы сорвал бы с себя

Бросил бы раздавил растоптал.

МУЖИК-1. Тесно на земле.

МУЖИК-2. Постигай порядок.

МУЖИК-1. Вдох-выдох.

МУЖИК-2. Кто это летит

Не касаясь морозными пятками

Каленой землицы

Над сыпучими песками

Над измученной листвой

Над зажмуренными окнами

Над заснеженными крышами

И лицо у него самодельное

Из бумаги и мерзлой воды

Звери воют от ужаса

Падают замертво

Он летит сквозь деревни поселки леса города

Кто же это и куда?

Мужик-2 убивает Мужика-1 лопатой. Закапывает.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

1.

Юра у себя в комнате разговаривает по скайпу с мамой.

ЮРА. У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону, и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться. И пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней. И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наёмников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода. Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наёмников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся. И начали веселиться. Старший же сын его был на поле. И возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование. И, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного телёнка. Он осердился и не хотел войти. Отец же, выйдя, звал его. Но он сказал отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного телёнка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и всё моё твоё, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся.

МАМА. Зачем ты мне всё это читаешь?

ЮРА. Так меня торкнуло, знаешь... Только представь: он простил его.

МАМА. Юра, ты какой-то странный последнее время. Никогда не замечала твой клерикализм.

ЮРА. Мам, ну это вообще не клерикализм. Это вообще не про то. Ты понимаешь...

МАМА. Сынок, ты лучше расскажи, как там у вас с питанием?

ЮРА. Мама, ты так мало рассказывала мне про папу.

МАМА. Сынок, ну, он уже тридцать лет как погиб.

ЮРА. Тридцать семь. Я посчитал.

МАМА. Я плохо помню.

ЮРА. Ты любила его?

МАМА. Конечно. Это же был мой муж.

ЮРА. Но ты правда любила его?

МАМА. Я говорила ему: Юра, если уж ты так любишь летать, иди в лётчики. Хотя, и в лётчики тоже нехорошо: они страдают от варикоза. Инсульты у них. Но он хотел быть космонавтом. Ну хорошо, допустим. Меня он всё равно не слушал. Летал бы между городами, но нет.

ЮРА. Просто он хотел летать вверх.

МАМА. Что?

ЮРА. В другом направлении, понимаешь? Перпендикулярно.

МАМА. Ты лучше о себе расскажи. Какие у вас группы прилетают? Девушки есть там?

ЮРА. Так ясно помню некоторые моменты. Вот, мы бежим по полю одуванчиков белых. Мне где-то четыре. И папа говорит: открой рот, закрой глаза. Я спрашиваю: зачем? Он говорит: конфетку дам. Я открываю рот, закрываю глаза. И у меня во рту белый пух от одуванчиков.

МАМА. Да, у него были дурацкие шутки. Один раз приревновал меня и сожрал лампочку.

ЮРА. Как? Электрическую лампочку?

МАМА. Да, чтоб мне хуже было. Я же впечатлительная.

ЮРА. Он такой красивый на фотографиях.

МАМА. Нарцисс.

ЮРА. Мне так хочется поговорить с ним сейчас. Он не оставлял мне какого-нибудь письма?

МАМА. Юра, какого письма, ты о чём, сынок?

ЮРА. Ну, знаешь, я бы на его месте перед тем полётом написал длинное письмо. Сыну. Мне.

МАМА. Он не очень умел складывать слова. Вот улыбнуться широко – да, вместо слов. И все думали: какой обаятельный. А он просто не знал, что сказать. А зубы ровные, белые. Как у лошади.

ЮРА. Мам, ну зачем ты так.

МАМА. Мясо, просто мясо для космоса, просто тело. Ничего выдающегося – выбрали его по физическим параметрам, как Белку и Стрелку. Так что там у вас, девушки на экскурсии приезжают?

ЮРА. Я хотел сказать тебе...

МАМА. Юра! Ты замер с открытым ртом! Алё! Алё!

Связь обрывается. Из-под одеяла вылезает Аина.

АИНА. Что там?

ЮРА. Чёрт, оборвалась связь.

АИНА. Ничего, потом перезвонишь. Так что там у вас с девушками?

ЮРА. С девушками у нас всё хорошо. Мы её любим. Снова любим. И по утрам тоже любим. Ты любишь меня?

АИНА. Я читаю учебник биологии. Дунь мне в ухо. *(Юра дует)* Я живая, мурашки по телу бегут.

ЮРА. Бабушка говорила: покуряtilась.

АИНА. Смешно – покуряtilась. Пора идти работать.

ЮРА. Ну давай ещё поваляемся. Ты меня любишь?

АИНА. Кью не здоровался ещё?

ЮРА. Кью меня беспокоит. Теперь он разбогател, и на эти таблетки подсел.

АИНА. Какие таблетки?

ЮРА. Посылки не замечала? Посылки ему шлют с Земли. Это топливные элементы. Он подсел на них, ужас. Жуёт, выделяется водород и кислород, они вступают в реакцию, образуется электричество, а Кью кайфует. Совсем дела запустил.

АИНА. Не он один.

ЮРА. Камешек в мой огород, да?

АИНА. Камешек... Метеорит. Углистый хондрит.

ЮРА. Как там он, кстати?

АИНА. Пишет стихи. Что-то про пустоту.

ЮРА. Бедняга.

АИНА. Может, не надо было отнимать у него тайну?

ЮРА. Мне нужно было точно знать.

АИНА. Я всегда знала.

ЮРА. А я не мог только верить. Нужно было точно знать, что там есть жизнь. И сканирующий микроскоп подтвердил.

АИНА. Но это были его клеточные структуры, метеорита.

ЮРА. Это было письмо мне. О том, что там есть жизнь. И ты тоже письмо мне.

АИНА. Я же просто кусок репродукции, даже не холста.

ЮРА. Любишь меня?

АИНА. Любовь – это что-то органическое?

ЮРА. Не обязательно.

АИНА. Это когда мальчики на картине Дейнеки смотрят на самолёты в небе. Или когда, помнишь, плакат у него: спортсменка бежит: работать, строить и не ныть, нам к новой жизни путь указан, атлетом можешь ты не быть, а физкультурником обязан. Нам пора.

ЮРА. Господи, Аина, мы имеем право отдохнуть. Мы столько сделали!

АИНА. Сколько? Мы сделали только дирижабль.

ЮРА. Только?

АИНА. Нам нужна ракета, ты что!

ЮРА. Где мы возьмём материал? Он больше не приходит к нам.

АИНА. Он придёт.

ЮРА. Он больше не показывает мне свою жизнь. Нет материала, нет формул, подсказок. И пространство больше не меняется. Вот выключи свет.

АИНА. Зачем?

ЮРА. И включи снова - что? Это будет та же самая комната. Та же самая.

АИНА. Ну и что? Он придёт. Надо работать – и он придёт. А ты только составляешь каталоги эти дурацкие. Очнись – ты больше не в библиотеке работаешь!

ЮРА. Нужно собрать всё самое важное, ты что, ты не понимаешь, нужно собрать всё важное, что мы можем взять с собой: все важные идеи, мысли. Это то, что нам понадобится там. Концентрат Земли.

АИНА. Идей таких не больше десяти – типа, не убий, не укради, в любой непонятной ситуации перезагружай компьютер - так зачем столько времени ковыряться? Ты когда заходил в свою музыкальную кабину?

ЮРА. Десять раз в день захожу туда. Гуляю по всем залам его. Но он больше не приходит. Знаешь, когда я был там – это было мучительно. Страшно. Жуть. Но это была жизнь.

АИНА. Мы сделали цельнометаллический дирижабль. Исполнили его мечту.

ЮРА. Да, исполнили его мечту. И что? Дирижабль просто болтается там. Да, у нас увеличились доходы за счёт дополнительных экскурсий туда. Но к чему это привело? Кью подсел на топливные элементы и стал наркоманом. Кстати, там в результате реакции выделяется кроме электричества вода. Коррозия.

АИНА. Господи, да что ты, гуманитарий, знаешь о коррозии титановых сплавов? Просто давай работать дальше. Следующий шаг – ракета. На ней мы полетим в космос. Ведь ты нашёл в метеорите космические бактерии.

ЮРА. С другой стороны, что я, гуманитарий, понимаю в бактериях? Может, и нет там никакой жизни. А главное... Ты не понимаешь. Он оставил нас. Без него ничего не осуществится. Мы живём тут в пустоте. Как на Земле. Пусто.

2.

Метеорит и Робот в зале.

РОБОТ. Как хорошо, знаешь, что эти экскурсии больше не приезжают. Но с другой стороны, запас таблеток когда-то же истощится.

МЕТЕОРИТ. А может, это просто проблемы связи. И всё там хорошо на Земле. Связь наладят.

РОБОТ. Три месяца не могут наладить? А может, мы вообще одни с Земли остались.

МЕТЕОРИТ. Навсегда расстанемся с тобой, дружок. Нарисуй на бумаге пустой кружок. Это буду я – ничего внутри. Посмотри на него, а потом сотри.

РОБОТ. У меня от хороших стихов волоски топорщатся. Кстати, классная вещь, зря ты не заказал. А стихи Юре расскажи. Для каталога ценного земного.

МЕТЕОРИТ. Они с Земли? Нет, из космоса.

РОБОТ. Как ты думаешь, он есть?

МЕТЕОРИТ. Космос?

РОБОТ. Циолковский.

МЕТЕОРИТ. Есть.

РОБОТ. Где?

МЕТЕОРИТ. Везде. Когда-то я был простым камнем. Он вдохнул в меня душу.

РОБОТ. Иногда мне кажется, что его и не было. Но потом я думаю: откуда тогда эта тележка с едой, которая закатывается в комнату к Юре? Это же чудо. Он есть. Может, Земли уже больше нет, а он есть.

МЕТЕОРИТ. Он был, есть и будет. Всегда.

РОБОТ. А меня когда-нибудь съест коррозия.

МЕТЕОРИТ. Какое враньё. Титан стоек к коррозии.

РОБОТ. Например, это будет стихийное бедствие – цунами плавиковой кислоты. Ты же знаешь про неё. Она для соединений титана - смерть.

МЕТЕОРИТ. Откуда возьмётся такое количество плавиковой кислоты?

РОБОТ. Не надо утешать меня, друг. Конечно, моя оболочка может прожить тысячи лет. Но душа. Ты забыл про неё.

МЕТЕОРИТ. Душа – это органика?

РОБОТ. Боюсь, что да.

МЕТЕОРИТ. Я не хочу снова стать бездушным камнем.

РОБОТ. Только соединение водорода и кислорода даёт мне надежду. Потому что электричество – это жизнь. Угощайся, брат.

Робот закидывает под купол метеорита таблетку.

МЕТЕОРИТ. Это песня пустоты. Мы умрём – и я, и ты.

РОБОТ. Знаешь, вот закидываемся мы с тобой этой органикой – и души наши корродируют. Понимаешь, не тела – души. Я даже стал читать книгу про маленького человека. Понимаешь? Не инструкцию, не учебник по физике. Какую-то, блядь, книгу про долбанного Акакия Акакиевича. Блядь, про какую-

то его зимнюю одежду. Вот что это? Это реально разложение. Это ржавчина, выражаясь метафорически. Блядь, я уже говорю метафорами.

МЕТЕОРИТ. Это дырка, это мы, мы созвездье пустоты.

РОБОТ. Это дырка, это я, это полная херня. Знаешь, я завидую тем двоим.

МЕТЕОРИТ. Кому? Юре и Аине?

РОБОТ. Нет – авиаторам.

МЕТЕОРИТ. Они как роботы – что-то клепают и клепают бесконечно. Ой, извини, я некорректно сравнил.

РОБОТ. Ничего, всё нормально. Да, они строят ракету. У них есть надежда.

МЕТЕОРИТ. Секта ракеты.

РОБОТ. Но там нет его. Их ракета не взлетит. Ракета – это просто оболочка.

МЕТЕОРИТ. Он вернется. Он не может нас оставить. Иначе зачем это всё?

РОБОТ. Иначе нет смысла, да, брат.

МЕТЕОРИТ. Смысла нет, и нет начала. Есть конец, его нам мало.

РОБОТ. Знаешь, зимнюю одежду у того маленького человека украли. Украли надежду. Блядь, зачем я это сейчас вспомнил? Хорошие таблетки в этот раз.

3.

Авиаторы клепают что-то.

АВИАТОР-1. Мне кажется, какая-то ошибка произошла. Он задумал нас равными. В смысле, рецепт один. Но что-то случилось, какие-то электроны, может, полетели вокруг ядра по часовой стрелке, какие-то – против. Какой-то произошёл отказ от логики гармонической тональности. И ты получился глухонемой. Аина не умеет любить. А я – какой-то винтик. Собственно, можно сказать, что я призван. Призван сделать ракету. Я избран. Забран с почтовой марки. Из почтовой марки – в какие-то космические бесконечности. Я почти как Иисус Христос. Они перестают верить в ракету, ты заметил? Они скоро перестанут верить в Константина Эдуардовича, и тогда мы все исчезнем. И только я точно знаю, что он есть. Хочешь докажу? Потом, это сюрприз. Но ты вдумайся, какой путь! Кусочек бумаги, крошечный, как плевок. Просто липкая маленькая бумажка на конверт – почтовая марка. Просто миллиграмм типографской краски. И вот уже я спасаю человечество. Почти все так и остаются только марками. Они просто передвигаются туда-сюда на конвертах. Или лежат в специальных альбомах. Некоторые совсем дешёвые, меньше ста рублей. А другие – очень дорогие, целые состояния. Но все они – только бумажки. Такая бессмысленная жизнь. Пустая бессмысленная жизнь.

4.

Юра и Аина в комнате Юры. Она читает, он ходит взад-вперёд. Ярко светит солнце.

ЮРА. Гильгамеш идет за солнцем на протяжении всего эпоса. Он хочет достичь бессмертия. Но трагедия в том, что он ходит по кругу вместе с солнцем. Не может выйти за пределы времени.

АИНА (*отвлекаясь от учебника*). А? Что?

ЮРА. Говорю: соскучился по пасмурной погоде. Время как будто остановилось. Уже год, кстати, как я здесь, представляешь? Маме обещал в

отпуск приехать. Вчера думал, какая странная жизнь «после». После айфона, после интернета. Наверное, там всё рассыпалось в пыль. Маму жалко.

АИНА. Как много лишних чувств.

ЮРА. Ты не понимаешь. У тебя же не было мамы.

АИНА. Какие планы на вечер?

ЮРА. Странный вопрос. Как тут можно что-то планировать. Вчера записал в каталог, послушай. «Дорогая Бланш, пишу тебе, сидя внутри гигантского осьминога. Чудо, но письменные принадлежности и твоя фотокарточка уцелели. Сыро и душно. Тем не менее, не одиноко: рядом два дикаря, и оба играют на укалеле. Главное, что темно. Когда напрягаю зрение, различаю какие-то арки и своды. Сильно звенит в ушах. Постараюсь исследовать систему пищеваренья. Это - единственный путь к свободе. Целую. Твой верный Жак». Это мы возьмём с собой. Когда-нибудь. Ты любишь меня?

АИНА. Тут прекрасная библиотека, давай вечером вместе почитаем. Физика, химия, математика, биология. Ты читал учебник по структурной биоинформатике?

ЮРА. Ну что-то же ты чувствуешь?

АИНА. Что?

ЮРА. Мне мало тебя. Ты всё время читаешь.

АИНА. Это защитная реакция. Что-то же надо делать. Как-то бороться с фрустрацией. Ракету мы не создаём.

ЮРА. Завидую тебе – фрустрация. Тут махровая энтропия. И зачем тогда учебники? Занимайся мной.

АИНА. Знаешь, оказывается, они считают, что пятое измерение – это чисто математическая конструкция. Что его нет в реальности. Но мы-то знаем.

ЮРА. Ты живая, у тебя есть тело, ему хорошо со мной. Ты же любишь, когда я тебя трогаю.

АИНА. То ли живая, то ли не живая. То ли волна, то ли частица.

ЮРА. Аина, мы одно целое, понимаешь? У меня первый раз такое. Я всегда был один, годами никого не было, я думал, и не надо. И вдруг ты. Это так странно.

АИНА. Не понимаю тебя. Я не одно целое с кем-то, я сама по себе. И мне вообще не нравятся все эти слова.

ЮРА. Хорошо. Я понял. Попробую сказать по-другому. Я тоже иногда заглядываю в учебники – ради тебя. Послушай, теперь мы образовали замкнутую систему, понимаешь? Вот ты читала про квантовые струны. Квантовая струна описывает бесконечное количество частиц. И мы обмениваемся с тобой этими струнами, понимаешь? Обмениваемся бесконечным количеством частиц. Вот если говорить о притяжении – то моя область притяжения ограничена тобой. А твоя мной. Ты понимаешь меня? Между нами связь. Ковалентная, ионная, водородная, вандерваальсовская, вибрационная, наконец.

АИНА. Чувствую себя олдскульным медным проводом. Ты запускаешь в меня электричество в 240 вольт, но пока оно идет по мне, оно теряется, и остаётся только 200 вольт.

ЮРА. Это целых семьдесят процентов. Ты любишь меня?

АИНА. Разве я живая?

ЮРА. Конечно, живая! Мы же проверили: у тебя есть ДНК.

АИНА. И у бактерий тоже есть ДНК.

ЮРА. Ты окисляешь глюкозу. Если бы ты была анаэробная, то перерабатывала бы сернистые соединения. Но ты окисляешь глюкозу, как и я. Ты аэробная.

АИНА. Значит, я старею, моя ДНК укорачивается. Когда-нибудь я умру?

ЮРА. Мы все когда-нибудь умрём. С другой стороны, время жизни мюония всего лишь две микросекунды. На первый взгляд может показаться, что это мало, но это на десять в седьмой степени дольше, чем типичные периоды молекулярных вибраций.

АИНА. Как хорошо сказал. Наверное, я люблю тебя. Не знаю. Ты другой.

ЮРА. И ты другая. Каждому нужен именно другой. Только другой может тебя поцеловать. Придет и скажет: ты прекрасная. Эстетически осмыслит твою жизнь, судьбу и тело.

АИНА. Только другими заполнены кладбища.

ЮРА. Опять ты о смерти.

АИНА. Быть органикой – это думать о смерти.

ЮРА. Давай займёмся жизнью.

АИНА. Я беременная. Это так странно.

5.

ЮРА. Благая весть. Я собрал вас здесь, чтобы сообщить благую весть.

РОБОТ. Возобновились посылки с Земли?

ЮРА. Нет, это новость про зарождение жизни.

РОБОТ. Что именно?

ЮРА. Жизнь зародилась.

РОБОТ. Тоже мне новость. Вон у метеорита образовались лёгкие.

АИНА. Лёгкие?

РОБОТ. Метеорит теперь курит.

МЕТЕОРИТ. Не называй меня так. Я углистый хондрит.

РОБОТ. Самый верный органический признак - кроме запаха аммиака – умение обижаться.

ЮРА. Друзья, если Земля всё ещё существует, то вы запросто можете участвовать в паралимпиаде. Вы интересная пропорция неорганики с живым. Но у меня новость такая: Аина беременная.

АВИАТОР-1. Странный сюжет для «Покорителей космоса», Аина.

АИНА. А ты всё время слушаешь «Гагарин, я вас любила», для ретро-авиатора тоже странно.

ЮРА. Короче, ситуация такая. Земля, видимо, погибла.

РОБОТ. Может, и нет.

ЮРА. Кью, у тебя ломка. Но тут надо осознать: таблеток больше не будет. И так, Земли нет. Мы – последние земляне. Собственно, органический землянин тут я один. Но, что может быть, страшнее, нет и Константина Эдуардовича.

АВИАТОР-1. Может, есть.

ЮРА. Это звучит кошунственно, я понимаю. Но теперь его нет. Мы ждали, мы вели себя хорошо, мы перечитали все его книги, что подвиг, но он не вернулся. Если родится мальчик, мы назовём его Костей – но что мы ещё можем сделать?

АИНА. А девочку можно назвать Констанцией.

ЮРА. Мы сейчас вообще не о том... Короче, надо прорваться в космос. То, что художественный образ осеменён мною...

АИНА. Юра, фу...

ЮРА. Хорошо, то, что... В общем, это знак. Мы спасём человечество. Синтез искусства и обычного сперматозоида человека 46 лет...

АИНА. Юра!

ЮРА. В общем, мы должны сделать невозможное. Должны уже построить эту долбанную ракету и валить в космос. Я не знаю, как мы это сделаем. Но жизнь – это всегда выход из зоны комфорта, это всегда вызов. В конце концов, успех надо визуализировать. Давайте сядем и представим ракету. Сядем все вместе кружком. И все дружно увидим ракету.

РОБОТ. У него органические поражения.

МЕТЕОРИТ. Просто он типичный гуманитарий.

ЮРА. Ну же, Кью, садись с нами! И ты, Ухо! Ха-ха! Я тебя так буду звать: ухо – углистый хондрит.

РОБОТ. Может, он тоже втайне гонит самогон?

ЮРА. Давайте громко споём: мы – дети галактики. Мы, дети галактики, но самое важное: мы – дети твои, дорогая Земля!

АИНА. Юра, прекрати, слышишь? Юра, перестань, хватит.

ЮРА. Ну а ты, Коля, что ты молчишь? Иди сюда! Давай споём! Ну не смотрите на меня так, я не сошёл с ума! У нас кислорода осталось на два дня, а дышит теперь даже метеорит, так что мы, конечно, не построим эту, блядь, ракету, но хотя бы немного повеселимся. И вообще, давайте сыграем свадьбу! Я люблю Аину, она меня нет, но бывают же свадьбы по залёту! Заодно и справим поминки по маме, раз уж она оказалась там, на Земле. Раз уж я не смог её спасти. Раз уж всё катится к чёртовой матери.

АВИАТОР-1. Ракета готова. Мы можем лететь.

АИНА. Коля, что ты такое говоришь? Может, уже перестанете истерить тут все? Я беременная, мне нельзя волноваться.

АВИАТОР-1. Ракета построена. Мы можем лететь в другую галактику. Там другое Солнце. Нам нужно другое Солнце. Другое.

ЮРА. Что ты такое говоришь? Но она не взлетит.

АВИАТОР-1. Ракета построена. И она взлетит. Константин Эдуардович помог сделать её.

ЮРА. Константин Эдуардович? Как?

АВИАТОР-1. Он явился ко мне. И чудо произошло. (*Авиатору-2*) Скажи им.

АВИАТОР-2. Да. Свидетельствую.

РОБОТ. Мать Мария Ивановна!

МЕТЕОРИТ. Дайте закурить.

АВИАТОР-1. И сейчас вы увидите его.

АВИАТОР-2. Ваня!

Выходит потерянный на первой экскурсии мальчик Ваня восьми лет.

ВАНЯ. Привет.

АВИАТОР-1. Это новый Циолковский. Он родился вновь. Уже прошедший апгрейд.

ВАНЯ. Ну то есть, уже не просто атом, а кварк, антикварк, в общем, вы поняли.

АВИАТОР-2. Ну что, поехали!

АИНА. Подождите. Мне кажется, это важно сказать именно сейчас. Юра, я беременна не от тебя. А от Коли.

АВИАТОР-1. Извини, старик. Я встретил её раньше. На десять минут раньше.

АИНА. Нет, не так. Мы долго висели в одном зале.

ЮРА. Аина, как ты разглядела его на марке?

АИНА. Я разглядела его замысел. Он был изначально изображён крупнее, значительно крупнее. А ты... Ты другой. Ты слишком объёмный для меня, всё же я два дэ.

АВИАТОР-1. Друзья, давайте сейчас не устраивать мелодраму. Мы с Аиной сошли с героических полотен.

АВИАТОР-2. И я, я тоже сошёл. Привыкайте, что я теперь слышу и говорю, кстати.

АВИАТОР-1. Нам ко многому нужно будет привыкнуть, и на это будет время – лететь в другую галактику очень долго. (*Юре*) Ну что ты, друг? Не грусти! Бери свой каталог жизненной мудрости и поехали!

АВИАТОР-2. Я первый сказал: поехали.

АВИАТОР-1. Первый сказал Гагарин. Нам нужно спешить.

ВАНЯ. Дядя Юра, вы, вообще, классный. Я за вами всё время наблюдаю, и в общем, вы хороший человек, так и знайте. Ну то есть, сначала было это: но ты не холоден и не горяч, о! если б ты был холоден и горяч... Ну вы поняли. А потом это прошло. Потом вы как-то стали определённое. И главное – любознательнее. Мало кто про вибрационную связь знает. Ну и про мюон.

АВИАТОР-1. Я выключу сейчас свет, а потом включу, и мы уже будем лететь. Это новый способ избежать перегрузок при взлёте. Итак, приготовились: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один....

б.

Юра просыпается в своей комнате, тяжело дышит. На столе ноутбук, звонок скайпа.

ЮРА. Алё.

МАМА. Юра, сынок! Ну наконец-то!

ЮРА. Мама?

МАМА. Мама, мама! Как же я соскучилась по тебе, сынок! Похудел. Как ты себя чувствуешь?

ЮРА. Всё хорошо, только устал. Мама, что там было у вас? Как Земля?

МАМА. Земля? Да что, вертится! Ха-ха!

ЮРА. Вертится? А почему не было связи?

МАМА. Переходили на новый стандарт, и временно отключили. Как я рада тебя видеть, сынок!

ЮРА. Ты такая молодая, мама. Там такое солнце у тебя, где ты?

МАМА. Ха-ха! Ты видишь, какое платье у меня? Это же я себе сшила давным давно. Узнаёшь?

ЮРА. Узнаю. На фотографии видел.

МАМА. Да! Точно, я в нём фотографировалась в двадцать. Крепдешинное, с голубыми листиками! Лёгкое такое!

ЮРА. А что это там за ниточки торчат на шее у тебя?

МАМА. Да не обращай внимание, отрежу. Сынок, у меня для тебя сюрприз! Я так счастлива! Ну угадай, ну!

ЮРА. Ну я не знаю, что?

МАМА. Ну что, ты не можешь угадать, ну!

ЮРА. Я не знаю, мам, что ты имеешь в виду?

МАМА. Эх, Юр, тут сейчас так персиковые деревья цветут, и яблони, и жасмин, такой запах! Эх, жалко, что ты не чувствуешь пока аромат! Тут так солнечно!

